СТАТЬИ

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-10-15

ЖИЛ-БЫЛ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ

Ю.М. Резник

Дорогие читатели! Перед вами необычный по жанру текст. Это – диалог с моим воображаемым собеседником, котом Кузей. Время от времени я выкладываю эти тексты в Фейсбук. Но одно дело публиковать в сети и совершенно другое – в научном журнале. Не знаю, как воспримут коллеги этот жанр.

Мы с котом Кузей продолжаем разговор о наших друзьях. В этот раз мы выбрали для обсуждения персону доктора философских наук, профессора Маркова Бориса Васильевича. Борис Васильевич – человек, известный в отечественной философии и не нуждающийся в представлении. Кроме того, он близок нам по своим жизненным установкам. Вот мы и решили «зацепить» его, что называется, за живое. Однако мы действуем отнюдь не по принципу «бей своих, чтобы чужие боялись». Ко всем мы относимся бережно и стараемся не переходить границу личного пространства. Поэтому мы не стремимся «расколоть» нашего визави по личностным основаниям. К тому же Борис Васильевич уж больно непростым оказался человеком. Одним словом, «крепкий орешек». Но чему удивляться, других среди наших друзей практически не бывает.

Ключевые слова: Марков Борис Васильевич, философ, человек, профессор, профессионал, образ жизни, стиль личности, добро, зло.

ONCE UPON A TIME THERE LIVED BORIS VASILYEVICH

Yu.M. Reznik

Dear readers! Here is a text that is unusual in its genre. This is a dialogue with my imaginary interlocutor, the cat Kuzya. From time to time I post these texts on Facebook. But it's one thing to publish on the net and quite another to publish in a scientific journal. I don't know how my colleagues will perceive this genre.

The cat Kuzya and I continue our conversation about our friends. This time we have chosen for discussion the person of Doctor of Philosophy, Professor Markov Boris Vasilievich. Boris Vasilievich is a well-known person in Russian philosophy and does not need an introduction. In addition, he is close to us in his life attitudes. So we decided to «hook» him, as they say, for a living. However, we do not act on the principle of «beat your own so that others are afraid». We treat everyone with care and try not to cross the border of personal space. Therefore, we do not strive to «distort» our counterpart on personal grounds. In addition, Boris Vasilievich turned out to be a painfully difficult person. In a word, «tough nut to crack». But why surprise, there are practically no others among our friends.

Keywords: Markov Boris Vasilievich, philosopher, person, professor, professional, lifestyle, personality style, good, evil.

Знакомьтесь, Борис Васильевич Марков

Я: Кузя, ты уже слышал от меня о Борисе Васильевиче?

Кузя: Да уж наслышан об этом человеке. Но почему ты предложил в качестве названия формулировку «Жил-был Борис Васильевич»?

Борис Васильевич Марков

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (г. Москва).

Reznik Yuriy Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Philosophical Communications of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: reznik-um@mail.ru

© Резник Ю.М., 2021

Я: Потому что так пишут в сказках о героях. В этой связи я часто вспоминаю мультфильмы «Жил-был кот» (1987), «Жил-был пёс» (1982) и др.

Кузя: Но сказки начинаются обычно так: «Жил-был Иван. И была у него красавица жена по имени Мария» или что-то в этом же роде. А что есть у нашего героя?

Я: У него была и есть его любимая философия, которой он отдаёт всего себя без остатка.

Кузя: Сочувствую. Лучше бы у него была молодая девица, а ещё лучше – симпатичная студентка, как и подобает нормальному профессору.

Я: Кузя, ну это же просто неприлично получается. Разве так можно говорить о нашем друге и уважаемом человеке?

Кузя: Тебе не угодить. То ты просишь, чтобы я создавал неформальную обстановку и шутил. А то призываешь к соблюдению формальных приличий. Ты уж определись, пожалуйста, со стилем нашего разговора. Потом, разве в таком зрелом возрасте, как у вас с Борисом Васильевичем, студентками уже не увлекаются?

Я: Опять ты говоришь оскорбительные слова. Можно ведь любить профессора за его ум и талант (например, платоническая любовь). Давай лучше перейдём к знакомству читателей с Борисом Васильевичем.

А помнишь, Кузя, я тебе рассказывал, что мы с женой были у него на родине в Вологодской области. Было холодное лето 2019 г. Мы остановились в его родительском доме недалеко от реки. Классический деревенский дом с печкой, которую пришлось затопить, так как было довольно-таки прохладно.

Кузя: Да, я вспоминаю эту памятную поездку. Ты ещё мне говорил, что дороги там напоминают «стиральную доску».

Я: Для подвески автомобиля – это нелегкое испытание. Но так уж у нас в России заведено. Дороги, дураки и пр. Но только не люди труда. Им в России нелегко, где бы они ни жили или ни работали.

Зато места там удивительные. Деревня Бориса Васильевича находится на берегу красивого водохранилища и в окружении православных храмов, имеющих древнюю историю. Рядом расположен известный Кирилло-Белозерский монастырь, недалеко знаменитый монастырь в Ферапонтово. Вот в таком культурно-природном заповеднике обычно проводит свой летний отпуск Борис Васильевич.

Кузя: А сам Борис Васильевич, наверное, напоминает деревенского мужичка в фуфайке? А где же лошадь – обязательный атрибут крестьянской жизни?

Я: Наверное, твои представления о деревенском образе жизни заимствованы из какого-то глубокого прошлого, хотя откуда тебе это известно? А вот лошадь у него – тяжеловес и стоит в гараже: «Volvo XC 90».

Кузя: А во что ещё может одеваться питерский профессор, оказавшийся в российской глубинке, где не нужно красоваться перед студентами? Лошадь-то у него тоже оказывается непростая.

Я: Лошадь соответствует хозяину и его внешнему виду. Кстати, Борис Васильевич работает в Санкт-Петербургском университете с 1974 г., как только закончил аспирантуру философского факультета. За период своей научно-педагогической деятельности он руководил двумя кафедрами 25 лет (с 1989 по 2014 г.). А еще он – заслуженный деятель науки РФ с 2007 г.

Кузя: Так долго не живут... в науке. Просто вундеркинд какой-то.

Я: Кстати, кроме шуток, он защитил кандидатскую диссертацию в 28 лет, а докторскую в 41 год. По тем временам это было очень круто.

Кузя: А ещё на фотографии он похож на молодого Ленина. Та же бородка и та же улыбка с прищуром. Да и строение черепа...

Я: Хватит, Кузя, издеваться над уважаемым человеком. Ведь нас будут читать коллеги, которые хорошо знают Бориса Васильевича. И мне будет неудобно как перед ним, так и перед коллегами.

Кузя: Многие из них знают его академические заслуги и добрый нрав, но мы-то можем подметить и некоторые особенные черты. Со стороны часто бывает виднее.

Я: Тебя хлебом не корми, лишь бы найти слабости у другого. Зачем же нам ставить такого человека в неловкое положение?

Кузя: Думаю, что то место, в котором уже находится всякий человек, в том числе Борис Васильевич, вряд ли можно назвать ловким и удобным. Я не понимаю, как вообще можно ходить или стоять на двух ногах. Лучше уж стоять на голове, чем передвигаться двумя ногами.

Я: Что тут поделаешь. Это наша биологическая особенность.

Кузя: А вот если бы Борис Васильевич ходил на четырёх конечностях, он был бы куда симпатичнее.

Я: Не стоит уподоблять человека животному.

Кузя: А что, если объединить в одном теле хозяина и его лошадь? Ты мне сам как-то рассказывал о кентаврах. Это гораздо органичнее.

Я: А ещё бывают минотавры, химеры, сфинксы и пр. Но при чём тут Борис Васильевич? И его лошадь на самом деле состоит из металла и других материалов. Ты что же предлагаешь сделать из него человека-машину или киборга?

Кузя: В том то и дело, что Борис Васильевич тут совершенно ни при чём. А очень жаль. Из него бы мог получиться такой чудесный кентавр или, на худой случай, – сфинкс. А вот образ киборга ему совсем не подходит.

Я: А разве в этом есть какой-либо смысл, кроме мифического?

Кузя: Смысл есть во всём. Представь, если бы в студенческую аудиторию вдруг вошел профессор Марков в облике кентавра. Какой бы был переполох и вместе с тем неожиданный эффект. И восприятие материала студентами повысилось бы в разы.

Я: Что-то это мне напоминает фильм «Люди X» или подобную фантастику.

Кузя: Ты слишком много смотришь фантастики. Пора научиться жить в реальном мире. На мой взгляд, образ кентавра гораздо реальнее, чем твои люди X. Полагаю, что витание в облаках – это у вас общая черта с Борисом Васильевичем.

Я: Твой кентавр отнюдь не из реального мира. И думаю, что Борис Васильевич твёрдо стоит на ногах.

Кузя: Как вообще можно твёрдо стоять на двух ногах? Не понимаю. Ты же не случайно приобрёл себе трость, чтобы иметь ещё одну точку опоры. И ездить ты предпочитаешь на автомобиле с четырьмя колесами.

Я: Что же ты нам с Борисом Васильевичем предлагаешь завести ещё две длинные конечности?

Кузя: Не знаю, как Борису Васильевичу, а тебе они точно не помешали бы. Тебя порой не дождёшься в самый важный момент (приём пищи). Пока ты спустишься по лестнице со второго этажа, чтобы нас покормить, я уже три раза мог бы сбегать вниз и подняться вверх.

Я: Тебе не кажется, что твоя ирония граничит с отсутствием вкуса.

Кузя: Зато мой вкус не граничит с отсутствием тонкой иронии, как у тебя. Твоя ирония напоминает мне зубодробительную машину.

Борис Васильевич как профессор

Я: Борис Васильевич сделал многое в философии. Он специалист по философской антропологии, онтологии и теории познания. Более 10 монографий и сотни научных статей. Его любят студенты и уважают коллеги.

Кузя: Скажи ещё, что он хороший семьянин и любящий отец.

Я: Несомненно. А что же в этом странного?

Кузя: В том и дело, что ничего. Стандартный профессорский (и не только) набор.

Я: Зато Борис Васильевич – нестандартный философ. У него есть авторитет в философском сообществе.

Кузя: А что делает твой Борис Васильевич, когда приходит домой и закуривает сигарету на кухне, приоткрыв форточку? Он что снимает свой авторитет, вешает его на специальный крючок и становится самым стандартным обывателем? Или

он и в быту действует нестандартно, как и подобает, с твоей точки зрения, профессору.

Я: Думаю, что профессор – это образ жизни. Даже в домашнем халате Борис Васильевич не теряет свой профессорский стиль.

Кузя: Каждому месту свой внешний вид. В деревне профессор носит фуфайку, а в городской квартире байковый или атласный халат. Но давай всё-таки различать образ жизни профессора и образ самого профессора Маркова.

Я: Мне нравится образ профессора Маркова, а о его образе жизни я, к сожалению, мало что знаю.

Кузя: Зачем же Борису Васильевичу культивировать в себе образ профессора, если это должно происходить естественным образом? Или он забывает иногда, что он – профессор. И в повседневной жизни ведёт себя как вполне обычный человек.

Я: Так поступают все люди. Борис Васильевич прост в быту и доступен в общении. Его отличает скромность и обаяние.

Кузя: И он, наверное, носит накрахмаленные рубашки и костюм на галстуке в официальном присутствии. От него также пахнет французскими духами, а в левом верхнем кармане костюма непременно выглядывает чистый платочек. Так что ли?

Я: Ты всё иронизируешь, мой друг. А между тем Борис Васильевич умеет одеваться и у него есть свой индивидуальный стиль.

Кузя: Послушать тебя, так профессор Марков – просто образец вкуса и стиля. Может быть у него и карманные часы с цепочкой имеются?

Я: Не знаю. Но к его имиджу это не имеет прямого отношения.

Кузя: Тогда у него должен быть хотя бы серебряный портсигар.

Я: Возможно. Но почему обязательно серебряный?

Кузя: Ну как же? Это у студента может быть типовая зажигалка. А у курящего профессора обязательно должен быть изящный портсигар или оригинальная, желательна позолоченная зажигалка.

Я: Где ты набрался, Кузя, всей этой ерунды? Ты обращаешь внимание на внешние детали, которые могут лишь подчеркивать стиль человека. А есть ещё его внутренние черты.

Кузя: Я не знаю, что у Бориса Васильевича внутри. Могу лишь предположить, что у него, как и у тебя, в силу зрелого возраста, сидячего образа жизни и большого стажа курильщика имеется порядком изношенное сердце, не очень здоровые легкие и масса хронических заболеваний.

Я: Ещё раз спрашиваю, какое отношение всё это имеет к профессорскому образу жизни? Настоящего профессора отличают не здоровые легкие, а внутренняя интеллигентность, яркая манера держаться, логическое и оригинальное мышление, высокая культура речи, глубокое знание предмета,

уважительное отношение к окружающим. И всем этим в полной мере обладает Борис Васильевич.

Кузя: Ты нарисовал образ мифического персонажа, витающего в облаках, как бабочка, поднятая на высоту потоками воздуха. Где ты видел таких людей сегодня? Они давно вымерли, как мамонты. А наш Борис Васильевич вовсе не мамонт. Он живой человек. А значит, ему не чуждо всё человеческое.

Я: Что, например?

Кузя: Я не настолько хорошо знаю Бориса Васильевича, чтобы представить весь список его слабостей и недостатков.

Я: Послушать тебя, так любого человека отличают не сильные стороны, а слабые. Мне кажется, что у него нет серьезных недостатков.

Кузя: Сильные стороны не так интересны, как слабые. К тому же это у меня нет человеческих недостатков, а у каждого из вас их имеется целая коллекция – лень, инертность, слабование, пассивность и т.д.

Я: Зачем же мы будем обсуждать здесь недостатки Бориса Васильевича? Лучше давай скажем о нём что-то хорошее, жизнеутверждающее.

Кузя: Затем, чтобы узнать о нём получше. Это о покойниках говорят либо хорошо, либо не говорят ничего. А Борис Васильевич живой человек и ему не чужды слабости, в том числе, возможно, профессорский снобизм и высокомерное отношение к людям.

Я: Нет, это несколько не похоже на Бориса Васильевича. Он ведёт себя одинаково и с простыми людьми, и с коллегами.

Кузя: Конечно, если послушать тебя, то «он прост, как правда», и «живее всех живых». Мы говорим Борис Васильевич, подразумеваем профессор философии. И наоборот, когда мы думаем о профессоре, то сразу же всплывает знакомый нам до боли образ Бориса Васильевича.

Я: Ты снова и снова иронизируешь. А Борис Васильевич, между прочим, – человек высокой культуры.

Кузя: Ещё он, наверное, птица высокого полёта и «самый человечный человек». Это вы из Ленина сделали в своё время бога, а зачем тебе из Бориса Васильевича лепить идеал? Подумай. Разве можно работать в философии 50 лет (с 1971 по 2021 г.) и при этом не превратиться в бронзовую статую, которая разговаривает сама с собой (особенно на кухне за чашкой чая или сигаретой), не замечая того, что происходит вокруг, или рисуя понятную только ей самой картину?

О том, что Борис Васильевич никогда не менял профессию философа

Я: Давай лучше поговорим немного о профессиональной грани нашего героя. Может быть, Иван Васильевич из одноименного фильма и менял профессию, но Борис Васильевич служит образцом

многолетнего и бескорыстного служения философии. Последняя и есть, на мой взгляд, истинный смысл его личностного существования.

Кузя: Сними розовые очки, мой пафосный друг. И лучше бы ты не говорил этих слов. А то у наших читателей может сложиться впечатление, что Борис Васильевич – ходячий памятник философии или кладовая философской мысли. Наверное, он, как и полагается живому памятнику, время от времени вытаскивает из своей кладовой (пьедестала) чьи-то мысли и пускает их в словесный оборот, разбавляя своими комментариями.

Я: Борису Васильевичу, как и мне, уже поздно что-либо радикально менять в своей жизни, которая целиком и полностью связана с философией.

Кузя: Жаль, что об этом не догадывается сама философия. Она даже не подозревает о вашем существовании и о своей непорочной связи с вами. То, что вы уже давно выбрали философию, ещё не означает, что она выбрала вас. Возможно, это не чистая и взаимная любовь, а любовь по расчёту. Она позволила вам себя любить. Надо же кому-то морочить голову студентам.

Я: И хотя в твоих словах сквозит злая ирония, я могу ответить за нас двоих. Любовь к философии может быть только бескорыстной и без стремления ею обладать. Нельзя присвоить себе то, что принадлежит всему человечеству как всеобщая сокровищница мысли.

Кузя: Почему же? Очень даже можно. Каждый философ считает себя центром философской Вселенной и, как любой коллекционер, наполняет свою кладовую подходящими образцами (набором идей или смыслов). Наверное, и вы с Борисом Васильевичем не являетесь исключением из этого правила. Вопрос заключается лишь в том, относитесь ли вы к заурядным кладовщикам или всё же – к профессиональным коллекционерам. Тебе об этом, наверное, лучше известно, чем мне.

Я: Думаю, что твоя типология здесь не очень подходит. Борис Васильевич – оригинальный мыслитель и мастер лекционного дела. За ним стоят десятилетия самоотверженной работы. Я знаком с его трудами и могу сказать, что наряду с философской эрудицией он обладает несомненным концептуальным видением самых разных проблем.

Кузя: Ты мне говорил, что у него недавно вышла книга «Политическая иммунология». С каких это пор медицинская проблематика стала проникать в философский дискурс? У вас уже и так активно используются в гуманитарных науках травматология, вирусология и пр. Какие же вы после этого философы? Остаётся только перенести всю медицинскую терминологию в философию и забыть о своей профессии.

Я: Думаю, что такой перенос объясняется междисциплинарными связями между гуманитарными и естественными науками.

Кузя: Ты тоже в 1990-е увлекался сопряжением гуманитарии и инженерии, обратившись к так называемой человеческой или социальной инженерии. А теперь ты её критикуешь. Мне кажется, что все эти переносы – всего лишь ваше оригинальничание или, что ещё хуже, попугайничество. По-видимому, вам, философам, уже нечего дать обществу, вот вы и извращаетесь, как можете, предлагая либо компот из идей философов прошлого (как ваши историки философии), либо заимствуя чужую (чаще всего – западную) терминологию. А ещё вы любите имитировать поиск истины, составляя заявки на всевозможные гранты и подгоняя полученные результаты под стандарты научных отчётов, придуманные чиновниками.

Я: Ещё раз повторяю, мы с Борисом Васильевичем не меняли своё призвание и честно занимаемся поиском решений философских проблем. И нечего нам присваивать ярлыки «кладовщики», «попугаи», «имитаторы» и пр. Это оскорбительно по отношению к нам.

Кузя: А с чего ты взял, что твой Борис Васильевич какой-то особенный человек? Он также, как и ты, вписан в существующие институты науки и образования, которые производят нередко псевдонаучные результаты и псевдоспециалистов, в том числе в области философии.

Я: Думаю, что к нам это не относится. Мы честно работаем.

Кузя: А вы что, из другого теста вылеплены, чем остальная профессура?

Я: Не стоит, Кузя, говорить о том, в чём ты плохо разбираешься. Если ты и знаешь что-то, то только из моих слов. А я тебе разве не говорил, что наша институциональная философия насквозь пропахла нафталином? И мы с Борисом Васильевичем делаем всё возможное, чтобы привнести в неё живой дух.

Борис, ты всё-таки прав в целом, несмотря на то, что ты не прав в частности

Кузя: Не знаю, зачем, но ты почему-то упорно придерживаешься официальной версии в оценке ситуации в вашей философии. Наверное, в тебе говорит как раз дух корпоративной культуры, а не тот самый живой дух, к которому ты апеллируешь.

Я: Поверь мне, у нас нет необходимости сейчас обсуждать эту ситуацию. Лучше давай скажем хорошие слова в адрес Бориса Васильевича. Убеждён, что он их заслуживает, как никто другой.

Кузя: Хорошо. Я не буду комментировать крылатую фразу «Борис, ты не прав». Пусть её авторство навсегда останется М.С. Горбачёву. И пусть

твой Борис будет всегда или почти всегда прав в главном, даже если ему придётся быть неправым в частных случаях.

Я: Я думаю, что это не очень удачное сравнение. А в чём Борис Васильевич может быть не прав, если он честно жил и всю свою жизнь без остатка посвятил философии?

Кузя: Ты призываешь меня к позитивным утверждениям? Хорошо, их есть у меня. Так вот, наш Борис прав, потому что он, в отличие от многих других, «неправых» Борисов:

- хорошо относится к нам, котам, и, возможно, потому что больше не к кому всерьёз относиться (это раз);

- радуется той жизни, которая есть, и опять же потому, что радоваться больше нечему (это два);

- делает иногда зарядку по утрам, когда ему хочется, т.е. изредка, а не потому, что надо (это три);

- курит только те сигареты, которые покупает, а не те, которые ему нравятся (это четыре);

- не обижает людей, потому что обиженных судьбой обидеть уже невозможно, а других – себе дороже, хотя порой и стоило бы (это пять);

- не подсматривает за другими в замочную скважину, потому что у него нет замка со скважиной (это шесть);

- не делает из пустого порожнее или из простого сложное, потому что с молодых лет увлечён усложнением сложного (это семь);

- не живёт так, как все на улице, потому что в его жизни все уже давно находится дома (это восемь);

- не присваивает себе чужое и не отбирает у других «ихнее», потому что у него уже есть «своё чужое» или «своё ихнее» (это девять);

- не отдаёт другим самое последнее, потому что уже отдал предпоследнее (это десять);

- не обещает никому лишнее, потому что уже выполняет обещанное (это одиннадцать);

- не ходит смотреть футбольные матчи, потому что футбола в вашей стране уже давно нет, а может быть, никогда и не было (это двенадцать).

Ну и так далее.

Я: Хватит. Остановись, Кузя. Ты слишком увлекся своими котофизмами, от которых за версту отдаёт котопофизмом.

Кузя: Хватит, так хватит. Меня долго уговаривать не надо. А ещё я хочу пожелать Борису Васильевичу быть не в тренде, а оставаться по возможности в своём мире, если, конечно, ему позволят жизненные обстоятельства. Но лучше всего тренд подчинить себе. Тогда не нужно будет чему-то соответствовать – писать плановые статьи, читать лекции равнодушным студентам, составлять отчеты, которые никто не читает, сидеть на скучных совещаниях, общаться с теми, кто тебе неприятен.

Но как это сделать, я не знаю. У меня ведь нет опыта человеческого существования.

Я: Вот именно. Советовать легко, только кто живёт по чужим советам. Кроме того, советовать может только тот, кто, как правило, сам не прислушивается к советам.

Кузя: Не стоит верить тем, кто обещает бескорыстную помощь перед тем, как проглотить тебя. И, как известно, бесплатные советы, как и сыр в мышеловке, бывают лишь в безвыходных ситуациях, когда тебе уже никто не поможет. К тому же бессмысленно помогать советом утопающему.

Я: Опять тебя занесло. Борису Васильевичу помогать нужно делом, а не только словом.

Кузя: Но ведь хорошее слово в кармане не валяется. Его ещё придумать нужно, чтобы было ко времени и к месту. А дело Борис Васильевич и сам свершит. Напоследок остаётся пожелать: «Марков, держи свою марку». Пусть Ваш эталон качества никогда не снижается.

Я: Давай пожелаем Борису Васильевичу в это нелёгкое время крепкого здоровья и обычных житейских радостей. Пусть он продолжает, как и прежде, творить и писать книги к нашему всеобщему удовольствию.

Реплика читателя

В.Н. Шевченко*: Прочитал внимательно диалог «Я» и Кузи о Б.В. Маркове. Написан живо, изобретательно, по форме очень и очень неплохо смотрится. А вот что касается содержательной части. Оппонент-критик оказался сильнее, условно говоря, защитника Маркова. Дело не в том, что критик проверяет на прочность те или иные стороны характера Б.В.

Сегодня вообще почти невозможно говорить о светлой стороне человеческого существования – о честности, доброте, стремлении к совершенству, вере в светлое будущее. Буржуазная массовая идеология сплошь построена на негативе – на смаковании порока, низменных сторон человеческой жизни и т.д. Она убивает главное – доверие и любовь. Ирония здесь – самое мощное орудие. Но хорошо известен афоризм, увы, справедливый по сути, ирония убивает любовь. Это орудие Кузи. Поэтому «Я» как защитник Маркова проигрывает начисто Кузе как яркому и талантливому представителю того повседневного мировоззрения, основанного на вседозволенности, каким Кузя на первый взгляд является.

Причем, хотя в материале этого нет, высокая идеология поощряет такой стиль отношения к человеку. Этот материал для меня очень показательный в том, как одинокий порядочный интеллигент пытается защитить Добро, противостоять массовой пропаганде пофигизма, за которым скрывается inferнальное Зло. Но Кузя не так прост, он ведь сам порою сомневается в своих оценках, прислушивается к «Я». Его еще может спасти автор Диалога, но уже во второй встрече с Марковым или с другим нашим братом-философом. Главное, мне кажется, все персонажи в цикле «Персоналии» хорошо бы связывать друг с другом именно через призму разных аспектов противоборства добра и зла. Такая внутренняя, незримая и неафишируемая связь была бы очень интересна для читателя-философа. Жаль, что Марков представлен совсем не как боец за торжество позитивных начал в жизни, а ведь мы говорим часто о практической философии.

2–3 февраля 2021 г.

* **Шевченко Владимир Николаевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).
E-mail: vladshevchenko@mail.ru.